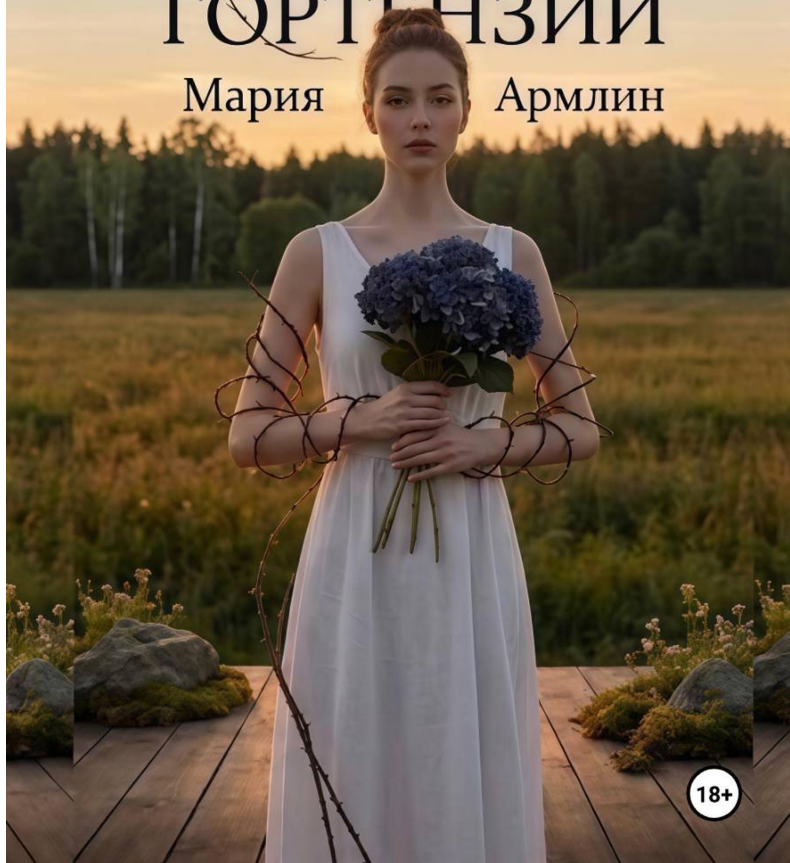

ЛАБИРИНТ ЦВЕТУЩИХ ГОРТЕНЗИИ

Мария

Армлин

18+

Мариа Армлин

Лабиринт цветущих гортензий

<https://litres.ru/74065571>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может связывать девочку, потерявшую отца, женщину, переживающую болезненный развод, подростка, отчаянно борющегося за свою жизнь, и психолога, которая сама пытается справиться с призраками прошлого?

На первый взгляд — ничего. Но судьба уже сплела их истории в один узел. Каждая из них проходит через собственную боль, страх и потери, пытаясь найти силы двигаться дальше. Их встречи не случайны, а выборы одной способны изменить жизнь другой.

Это история четырёх женщин, оказавшихся на перепутье. История о травмах, которые разделяют поколения, о тайнах, которые невозможно скрывать вечно, и о надежде, способной появиться даже тогда, когда кажется, что всё потеряно.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мариа Армлин

Лабиринт цветущих гортензий

Глава 1

«В этом мире нет злодеев, есть лишь жертвы жертв. Каждый, кто причиняет боль, был когда-то сам изранен, и теперь лишь передает эстафету страдания, которую когда-то получил сам.»

М. Армлин

Исповедь Кортни

Дорогая Роза,

прежде чем я открою перед тобой дверь в свою историю, мне бы хотелось на мгновение задержаться на пороге. Потому что то, куда мы сейчас направимся, — это не просто прошлое. Это место, где до сих пор живет маленький напуганный ребенок, который так и не сумел выбраться из лабиринта, сотканного из чужих ожиданий, страхов, любви и боли. Там время будто остановилось, а раны так и не научились заживать.

И мне хочется заранее попросить у тебя прощения. За то, что я позволю себе быть уязвимой. За то, что впервые за долгое время перестану прятаться за привычными масками и оправданиями.

И у себя тоже прошу прощения. За то, что моя история может задеть там, где я давно запретила себе чувствовать. За то, что мои слова могут коснуться тех воспоминаний, к которым я давно не подходила. За то, что эта история спо-

собна поднять со дна то, что я аккуратно присыпала годами молчания, занятости и привычкой «держаться». Я знаю, как это бывает. Достаточно одного слова, случайного запаха или звука — и прошлое распахивает дверь без стука. И тогда под рёбрами снова разливается тот самый знакомый с детства холод. Возвращается беспомощность. Возвращается тишина, в которой остаешься наедине со своей болью.

Мне жаль, если тебе тоже станет больно.

Хотя, если быть до конца честной, ещё страшнее знать, что ты не почувствуешь ничего. И не услышишь то, что мне так хотелось тебе рассказать когда-нибудь за чашкой чая. Но, к сожалению, придется это сделать в такой незатейливой форме.

Я не поведу тебя по светлым аллеям своих воспоминаний. В памяти жертвы редко остаются события — чаще остаются ощущения. Они цепляются за кожу, прорастают в привычки, прячутся в словах и поступках, следуют за человеком долгие годы, словно тень, которую невозможно обогнать.

Мне хорошо знакомо это чувство.

Будто под ногами не твёрдая земля, а холодное вязкое болото. Каждый шаг требует усилий. Каждое движение даётся через сопротивление. А прошлое, словно тяжёлые оковы, тянет вниз, не позволяя поднять голову к свету.

Я прожила в этом болоте слишком много лет.

Тонула.

Выбиралась.

Снова проваливалась.

Я изучила его настолько хорошо, что могла бы идти по нему с закрытыми глазами. Знаю, где скрываются самые глубокие ямы. Где ил особенно цепкий. Где становится трудно дышать и кажется, что выхода больше не существует.

Но я знаю и другое: оттуда есть выход. Должен быть. Потому что даже на самом дне человек продолжает помнить о свете. Иначе он никогда не смог бы отличить его от темноты.

Мне хотелось бы пройти этот путь рядом с тобой. Не стоять на берегу и раздавать оттуда советы. Не говорить, что всё будет хорошо, потому что иногда это звучит как насмешка. Мне так хотелось бы идти рядом, ведь тогда это имело бы больший смысл. Иногда чуть впереди, чтобы показать тропинку. Иногда позади, если ты оступишься. А порой просто молчать вместе с тобой, потому что существуют места, где слова только мешают.

Я бы просила тебя лишь не спешить становиться сильной. Не заставлять себя держаться тогда, когда хочется упасть. Не воевать со своими чувствами. Не убегать от боли только потому, что она пугает. Не принимать на свой счет мою тревогу. Просто оставаться рядом. Дышать глубже. Чувствовать ярче.

Я бы сделала все, чтобы не позволить своему прошлому омрачить твою жизнь. Я бы стала взрослым, о котором мечтала когда-то сама. Я бы делала вид, что справляюсь со всем. Я бы старалась из всех сил, даже если ребенок внутри меня

все еще сам ждет, что кто-нибудь ему скажете:

«Я тебя отсюда вытащу, только держись за меня!»

Если бы только можно было переписать некоторые страницы своей жизни, я многое сделала бы иначе. Намного усерднее, чем ты думаешь.

Но всё, что у меня есть сейчас — это моя история, о которой ты должна знать, чтобы попытаться меня простить.

Вход в лабиринт

Кортни

Стоя у огромных окон своего модно обставленного кабинета, я собиралась с силами, чтобы не выдать сильное волнение перед первой встречей с Кейт. Высокие стеклянные панели тянулись от пола до потолка, превращая город за окном в живую, холодную картину. Я видела свое отражение в ней — молодая женщина в строгом бордовом костюме, с легким макияжем, с идеально уложенными каштановыми волосами, с властной осанкой человека, который умеет справляться с любимыми неудачами. И осознавала, что это лишь иллюзия уверенности и контроля, натренированные годами, которые давались мне с большим трудом.

За окном клубились тучные, свинцовые облака, город утопал в серости и сырости, и эта бесцветность была пугающе

созвучна моему внутреннему ландшафту. Внутри было так же пасмурно — ни просвета, ни линии горизонта, только тяжесть, оседающая где-то под ребрами. Капли дождя громко ударялись о стекло — настойчиво, ритмично, словно мамыны грозные шаги на высоких шпильках, пытающиеся добраться до меня по коридору прошлого. Этот звук не просто заполнял тишину — он будто заполнял все пространство вокруг.

Кружка горячего кофе в руках была единственным, что согревало мое, казалось, безжизненное тело. Пальцы впитывали тепло жадно, почти отчаянно, будто пытались убедить себя, что я все еще здесь, в настоящем, а не провалилась в вязкое болото воспоминаний.

«Что я делаю?» — мысль прокручивалась снова и снова, как заезженная пластинка.

«Разве я готова вновь столкнуться с прошлым лицом к лицу без привычной дистанции? Разве я не пообещала себе — тогда, много лет назад — что эта дверь закрыта навсегда? Разве я смогу помочь Кейт всплыть, не утонув при этом сама?»

Я вдруг поймала себя на том, что считаю вдохи, как в детстве, чтобы успокоиться перед битвой с болью, о которой заранее знаешь, но избежать не сможешь.

В этот момент в дверь кабинета постучали. Звук оказался спасительным: он выдернул меня из зыбкой глубины мыслей.

Вошла Роза, моя стажерка и, можно сказать, лучшая по-

друга, хотя разница в возрасте у нас была больше десяти лет, и общих тем для разговоров, кроме работы, не было выявлено.

Она всегда входила так, будто приносила с собой луч света. Миловидная, энергичная блондинка с живыми карими глазами, в которых еще не поселилась профессиональная усталость. Ее шаг был быстрым, речь — чуть поспешной, как у человека, который искренне верит, что любую проблему можно разложить по пунктам и немедленно решить. Ее энтузиазм и оптимистичный взгляд на жизнь был заразителен, именно поэтому я без раздумий наняла ее из большого списка более опытных секретарей. Каждый раз, приходя на работу, меня успокаивала лишь мысль о том, что в соседнем кабинете обитает моя уверенность, которая верит в меня беспрекословно.

— Мисс Бланш, сегодня вас посетят три пациента: Эрик с депрессией, Мишель с алкогольной зависимостью и новенькая Кейт... со своим молчанием. Она почти два месяца проходила терапию у мистера Блэка. Он отличный психотерапевт, насколько я знаю, но даже у него не получилось ее разговорить. Возможно, это получится сделать вам, — улыбнулась Роза, протягивая папки — чужие жизни, разложенные по разделам.

— Спасибо, Роза. Я уже ознакомилась с их историями вчера, — сказала я, показывая на ноутбук. Холодный, бездушный носитель памяти, в котором боль хранилась в виде

файлов, диагнозов и дат. — Так что мы можем начать прямо сейчас. Давай начнем... пожалуй... с Кейт.

— Отличный выбор, — сказала довольная Роза и вышла.

Когда дверь закрылась, в кабинете стало трудно находиться, словно Роза забрала с собой весь воздух. Я медленно опустилась в кресло, провела руками по подлокотнику, потом по своей гладкой коже рук, словно проверяя реальность.

— Ты справишься, — сказала я себе шепотом с той же уверенностью, с которой обычно говорила пациентам.

Но внутри тихий голос добавил:

«Цена за ее спасение может быть выше, чем ты думаешь.»

Через пять минут в дверь тихо постучали — неуверенно, почти виновато, будто тот, кто стоял за ней, уже извинялся за само свое существование.

— Войдите, — сказала я, и собственный голос прозвучал мягче, чем я ожидала.

Дверь открылась не сразу. Сначала появилась узкая щель, полоска коридорного света, и только потом — она. Девочка вошла так, словно переступала границу враждебной территории. До болезненного худощавая, тонкая, как надломленная веточка. Ей было пятнадцать, но выглядела старше. На ней была слишком большая кофта — бесформенная, с растянутыми рукавами, в которую она будто пыталась спрятаться целиком, исчезнуть внутри ткани. Джинсы висели свободно, подчеркивая хрупкость бедер. Одежда выглядела как щит.

Каштановые кудрявые волосы были собраны в небрежный

высокий хвост, из которого выбивались несколько прядей. Глубоко посаженные зеленые глаза казались слишком большими для этого осунувшегося лица. Она смотрела куда-то в пол, словно для нее не было ничего интересного в этом кабинете. Тонкие губы были плотно сжаты. Бледная кожа почти светилась в холодном свете кабинета, и под ней проступал едва заметный, неровный румянец — как след от внутреннего напряжения, которое не могло найти выхода.

Она сделала шаг. Потом еще один. Походка была неуверенной, плечи опущены, спина чуть сгорблена — поза человека, который давно привык занимать как можно меньше места в этом мире.

И вдруг меня будто ударило током.

«Боже... как же она похожа на нее.»

Призраки прошлого потихоньку начали всплывать из потаенных глубин подсознания. На секунду кабинет поплыл. Стекло, дождь, свет — все отодвинулось, и передо мной встали два женских силуэта: тот, из прошлого, и этот — из настоящего. И между ними вновь — я.

Кейт остановилась у кресла, но не села. Она словно ждала указаний, разрешения существовать здесь.

Я почувствовала, как внутри поднимается странная смесь — профессиональная собранность, почти материнская нежность и ледяной страх.

Я сделала медленный вдох.

— Привет, Кейт, — сказала я как можно мягче, но голос

показался мне совершенно чужим. — Меня зовут Кортни Бланш. Я твой новый психотерапевт. Присаживайся, пожалуйста.

Она кивнула едва заметно и опустилась в кресло так, словно боялась потревожить воздух. Спина не коснулась спинки — тело оставалось в готовности вскочить в любой момент. Руки спрятались в рукавах, ноги сжались вместе.

Кабинет погрузился в тягостную тишину. Я села напротив, и между нами было всего пару футов — но казалось, что это расстояние растягивается на тысячи ярдов, заполненных годами молчания. Я слышала, как тикают старинные часы на стене, их размеренный звук напоминал о неумолимом течении времени. Слышала собственное неровное дыхание, словно воздух застревал где-то в лёгких. Почти осязаемое напряжение висело в воздухе, как невидимая паутина, опутывающая всё вокруг.

Я ощущала каждой клеткой запах запечённой индейки, сладкий аромат тыквенного пирога и кисловато-терпкий запах клюквенного морса. В голове всплывали образы: маленькие дети, с нетерпением ожидающие ежегодный парад Масы's. Но тут же, словно вспышка молнии, ожила другая картина — звук разбившейся тарелки, когда лицо, сидящее передо мной, сняло трубку телефона. И я прилагала все усилия, чтобы меня вновь не вырвало, как в тот самый день, когда мир рухнул и всё изменилось навсегда.

В этот момент я осознала: сейчас решается не только ее

будущее, но и мое. Смогу ли я войти в прошлое и при этом найти обратный путь...

Эдит

Маленькая Эдит сидела на узкой деревянной скамейке у входа в детский сад, болтая ногами в белых носочках с кружевной резинкой и лакированных туфельках Мэри Джейн. Краска на досках под ней была шероховатой, местами облупившейся, и она машинально ковыряла ее ногтем — веселое занятие, чтобы скоротать ожидание. Воздух пах весной: мокрой землей, мылом, которым мыли крыльцо, и чем-то сладким, что доносилось из кухни — наверное, печеньем для завтрашнего дня. Где-то за забором звенел колокольчик мороженщика и доносились радостные визги детей, и этот звук обычно наполнял маленькую Эдит счастьем, но сегодня она ждала кое-чего важнее этого.

Папа обещал приехать после обеда, а он всегда выполнял свои обещания. Эдит была в восторге, папа так редко забирал ее из-за загруженности на работе, но в этот день он должен был приехать, и они вместе направились бы в магазин игрушек. Это была их маленькая традиция: отправляться за новой игрушкой в канун ее дня рождения. Утром, перед тем, как отправиться на смену, он сказал сонной Эдит, что сегодня она может выбрать ту самую куклу Барби, о которой маленькая Эдит так мечтала. Он пообещал ей купить даже купальный костюм для Барби. Вот только какую ей выбрать: блондинку или брюнетку? Это единственное, что занимало

ее мысли весь день.

От одной мысли об этом в животе становилось щекотно, как от пузырьков лимонада. Она уже придумала имя, придумала, где будет ее кровать, как будет укрывать ее носовым платком вместо одеяла, как будет расчесывать ей волосы и шить с мамой платья.

Эдит любила заботиться. Любила, когда от нее кто-то зависел. Это давало ей странное чувство важности — будто тогда она нужна по-настоящему.

Она обожала играть в «дочки-матери». Ухаживать, кормить, укладывать — ей казалось, что нет занятия важнее. Когда взрослые спрашивали, кем она хотела бы стать, маленькая Эдит без колебаний отвечала:

— Мамой.

И ее искренне удивляло, когда кто-то смеялся и говорил, что это не профессия. Как это не профессия? Разве есть на свете занятие важнее и приятнее, чем заботиться о своей семье? Да и быть мамой — значит быть всем: и доктором, и учителем, и поваром, и тем, кто всегда знал, как сделать лучше. Ее мама была именно такой. Всегда с уложенными локонами, в выглаженном платье, с улыбкой, которая словно приклеена — как у женщин на рекламных плакатах в витрине магазинов. Хоть Эдит была еще крохой, в голове ее жили мечты о собственном уютном домике и маленьких карапузах. Она не сомневалась, что так и будет, ее лишь волновало будет ли ее принц таким же потрясающим, как папа.

Папа Эдит был пожарным. Она произносила это слово с особой гордостью. Пожарные были героями. Их уважали. Мальчики хотели стать пожарными, когда вырастут, а девочки в тайне желали себе папу-пожарного. В этом маленькая Эдит не сомневалась. Она прекрасно помнила день, когда дети в саду рассказывали о профессиях своих родителей. Как же Эмма завидовала ей, когда Эдит рассказала, что ее папа спас почти всех кошек, которые когда-либо застревали на деревьях их пригорода.

Но в этот день папа очень сильно ее подводил. Машины одна за другой подъезжали к саду — блестящие Шевроле и Форды с хромированными бамперами. Дети исчезали в салонах, двери захлопывались, и машины увозили их в теплые дома, где пахнет мясным рулетом и яблочным пирогом. Эдит осталась одна. Скамейка под ней становилась холодной. Тень от здания медленно подбиралась к ее праздничным туфелькам. Разве папа мог забыть о своем обещании и о кукле Барби? А ведь она уже похвасталась всем девочкам, что завтра придет с новенькой Барби. Эдит начала чувствовать обиду. Как будто внутри нее резко стало пусто, и звук ее собственного дыхания стал громче.

Он просто задерживается.

Профессия пожарных непредсказуема.

Герои не опаздывают просто так.

Она повторяла слова мамы, которые успокаивали Эдит, в те моменты, когда папа опаздывал. Но потом она посмотре-

ла на своих воспитателей. Заметив ее пристальный взгляд, они театрально улыбнулись. У Эдит внутри что-то сжалось. Резко. Как если бы она проглотила слишком большой кусок пирога и он застрял в горле. Она отчетливо видела, что они чем-то обеспокоены. Дети хорошо чувствуют встревоженность взрослых, даже если те изо всех сил пытаются изображать веселье. Эдит вдруг стало стыдно за то, что она все еще думала о кукле.

Она услышала обрывки слов.

Больница. Кристин рядом с ним. Бедная девочка. Какое горе. У них больше никого

Слова не складывались в смысл, но внутри все сжалось, сердце стало биться громче, ладони вспотели, а мир вокруг Эдит стал слишком большим и пугающим. Она больше не хотела куклу. Она хотела, чтобы все стало как прежде. Она хотела просто быть рядом с мамой и папой.

Когда любимая воспитательница, Ирэн, присела перед ней с широкой, слишком наигранной улыбкой, Эдит почувствовала облегчение от ее присутствия — но одновременно и страх. Взрослые так улыбаются, когда происходит что-то плохое.

— Ну что, малышка как ты смотришь на то, чтобы объестся сегодня пиццей, сварить какао и посмотреть «Шоу Сажи» или почитать твою любимую книгу «Паутина Шарлотты». На твой выбор. Что скажешь? — спросила Ирэн.

Эдит кивала. Автоматически. Потому что хорошие де-

вочки не усложняют жизнь взрослым, особенно, любимым взрослым.

По дороге к дому Ирэн Эдит оглядывалась по сторонам в надежде увидеть родителей. Домики проплывали мимо — одинаковые, аккуратные, с флагами и подстриженным газоном. Мир выглядел так, будто в нем ничего не поменялось.

Однако кое-что изменилось до неузнаваемости. Дело было в роскошном особняке мистера Холдена, того самого, что владел автомобильным салоном на Мэйн-стрит. У него был огромный дом с безупречным газоном, красивая жена, в шикарных платьях и жемчугах, и четверо ребятишек, всегда отличающихся хорошими манерами. Эдит знала это, потому что иногда играла с Элизабет, самой младшей дочкой Холденов. Но сейчас дом мистера Холдена выглядел жутко. Дым валил из окон, а на лужайке валялись обгорелые игрушки и мебель. Вокруг стояли полицейские и зеваки, а все было обтянуто желтой лентой с надписью "Осторожно". Что здесь случилось? Этот кошмарный вид так напугал Эдит. Воздух был густым, пах дымом от костра, на котором Эдит вместе с папой готовила самые вкусные зефиренки. Ее коронное блюдо. Она аккуратно доставала из огня обугленные зефирки и выкладывала на печенье фирмы Chips Ahoy! Папа обожал этот десерт. Только сейчас все вокруг выглядело, как обугленная зефиринка. И вряд ли печенье способно было заставить невидимых бабочек внутри нее порхать от счастья. На этот раз эти самые бабочки устроили настоящий рыцарский

турнир, заставляя Эдит сложиться пополам. Она пыталась держать себя в руках. Эдит стало трудно дышать. Внутри поднялась паника, но она не знала, что это паника. Она просто крепче вцепилась в руку Ирэн, пытаясь выпрямиться.

И вдруг в голове вспыхнула мысль, от которой стало по-настоящему страшно:

«Если такое может случиться с их домом значит, может случиться с любым.»

— Все хорошо, малышка. Я рядом, — успокоила Ирэн, но голос ее дрожал. Еще один маркер, показывающий, что взрослый врет.

— Эдит, детка, нам так жаль, прости нас, — запричитала миссис Холден, подбегая к ним. Обычно безупречно одетая и накрашенная, сейчас она была в халате, волосы всклокочены, лицо в копоты, а под глазами виднелись следы туши. Эдит еще сильнее прижалась к Ирэн. Эдит смотрела на нее и впервые видела взрослого, который не мог держать себя в руках. И это было страшнее пожара. Эдит никогда не видела взрослых такими. Взрослые не разваливаются. Они должны держать все под контролем, иначе на кого надеяться им — детям.

Ирэн и миссис Холден о чем-то долго разговаривали. Почти шепотом. Обе плакали. Но слова снова обходили Эдит стороной.

В груди стало холодно. Настолько, что захотелось свернуться калачиком и исчезнуть. А еще лучше просто пере-

стать что-либо чувствовать, запретить все эмоции в клетку. Иногда лучше отложить столкновение с ужасной правдой, чтобы хоть на несколько мгновений задержаться в привычном, хоть и хрупком, мире.

Эдит молчала. Она вдруг поняла важную вещь:

«Если не спрашивать — не будет больно. А если делать вид, что все нормально — мир не развалится окончательно.»

И в этом молчании впервые появилась та твердость, которая однажды стала ее броней.

Кейт

Лежа на жесткой больничной кровати, я снова и снова разглядываю белизну, в которую меня аккуратно упаковали, как сломанный предмет. Белые стены. Белый потолок. Белый линолеум. Белое постельное белье, натянутое так ровно, словно кровать предназначалась не живым людям, а витринным манекенам. Даже свет здесь белый — холодный, безжалостный, такой, что от него не спрятаться.

Снаружи — стерильность. Внутри меня — шум, грязь, обломки мыслей и воспоминаний, как после мощного взрыва. Иногда я думаю, что меня сюда не лечить привезли, а обесцветить, чтобы внутри тоже стало тихо, ровно и без следов прошлого. Возможно ли такое?

Я понимаю и чувствую, что здесь безопасно. Это правда. Здесь никто не кричит из соседней комнаты, не хлопает дверями так, что внутри все вздрагивает, не заставляет угадывать настроение по звуку шагов. Никто не зовет по имени

так, что в этом звуке уже слышится приговор. Никто не смотрит с этим выражением — будто я задолжала миру своим существованием. Здесь тихо. И от этой тишины поначалу было страшно, как будто человеческий мир вымер. А потом я поняла, что именно так ощущается незнакомый мне покой. Но как бы я не старалась вкусить это потрясающее чувство, ее голос внутри меня не давал расслабиться. Я с этим живу всю жизнь, поэтому это не мешало наслаждаться одиночеством и личным пространством, которого у меня никогда не было.

Но Джон остался там.

Один.

С ней.

Я думаю о нем постоянно. Он еще не умеет делать лицо «ничего не чувствую». Я научилось только к восьми. Эта мысль разрывает изнутри. Я представляю, как она смотрит на него — этим взглядом, от которого чувствуешь себя виноватым еще до того, как что-то сделал. Как он старается быть удобным. Как начинает говорить тише. Как учится исчезать.

Это меня очень пугало, но в то же время я была рада, что меня направили в эту клинику, потому что в старой я находиться больше не могла. Каждый день мне приходилось выслушивать мистера Блэка, который пытался делать вид, что искренне озадачен мной и моим состоянием. Но это то, с чем я могла смириться. Однако, было ощущение, что он надеялся запереть меня там навсегда. Может эта участь уготована для меня и здесь? Как мне быть? Рассказать правду значит

обрести себя и Джона на разлуку и совершенно иную жизнь, а продолжать молчать значит не выйти отсюда никогда. Но если подумать, не я ли первая попыталась бросить Джона одного? Может и не осознавая этого, но все же именно я поставила свои чувства во главе стола, отодвигая «тарелку» Джона, пытаясь единолично покончить с этим слащавым пирогом, наполненным ядом вместо начинки. Но я упустила одну важную деталь. Даже если бы я съела весь «пирог» и подавилась им, то на следующий день на столе появился бы новый. И тем самым лишь увеличила бы порцию Джона. Но я думала лишь о себе и своем «пироге», которым насытилась за пятнадцать лет до отвала.

Мистер Блэк предполагал, что мое молчание – способ защиты. Ему казалось, что мне страшно получить осуждение или сложно сформулировать свою историю, но это не была проблемой. Я могла бы выступать со своей историей, я давно смирилась со своей судьбой, и мнение других меня абсолютно не волновало. Просто в нашем доме слова были оружием. Их нужно было взвешивать, подбирать, прятать. Иногда лучше было не говорить вообще, чем сказать «не так» и получить ледяной взгляд, в котором читалось: «ты меня вновь разочаровала». Да и все психотерапевты, считают, что бедных и несчастных обязательно нужно спасать. Я слишком долго ждала помощи, а сейчас в ней не нуждаюсь. За пятнадцать лет я научилась сама вытаскивать себя из проблем, более того защищать от этих проблем и Джона. Что Мистер

Блэк мог мне предложить? Ничего. Узнав мою историю, он просто сделает мою жизнь еще более невыносимой, и поставит себе галочку за еще одно закрытое дело, получит похвалу за труд и терпение, и эго будет в восторге от того, что сумел спасти маленькую глупенькую девочку от нее же самой. Мне это вовсе было не нужно. А может он действительно хотел помочь. Но это как пластырь на открытый перелом. Бесполезно.

Мистер Блэк каждый раз натываясь на мое молчание, попросил заполнять дневник моих воспоминаний. Я чуть не рассмеялась. Конечно. Запишите свою травму аккуратным почерком. Разложите боль по датам. Это должно что-то исцелить.

Не обращая внимания на мою незаинтересованность, он попросил меня написать самое первое что я вспомнила. Единственное, что я написала на первой странице заглавными буквами:

«Я ПРЕУВЕЛИЧИВАЮ».

Потому что это то, что я слышала внутри каждый раз, когда мне было больно.

Но по правде говоря, мне было так скучно, что дневник я все таки завела, втайне от мистера Блэка, и это действительно оказалось интересной затеей. Прописать свою жизнь, точнее свой ад, в хронологическом порядке, доказывало насколько я сама запуталась в своих чувствах. Каждый день я записывала новое воспоминание, но прежде всего я перечи-

тывала все сначала. А что было делать 24/7 запертой в белой клетке, чтобы не сойти с ума от своих мыслей?

Я открываю первую страницу:

Первое воспоминание

20 сентября, 2014 год.

Мы с мамой и ее новой подругой Кэрри поехали за продуктами. В супермаркете я увидела мягкую игрушку Стича из своего любимого мультфильма «Лило и Стич». Я стояла и смотрела на него слишком долго. И совершила ошибку — захотела. Просить у мамы — это как ходить по минному полю. Никогда не знаешь, где рванет. Я попыталась сказать маме, что завтра у меня день рождения и мне бы очень хотелось получить именно эту игрушку, но она не дала даже закончить мою речь, а лишь с улыбкой произнесла что-то вроде: «Я тебе жизнь подарила. Так что подарки в этот день должна получать я за свои мучения. Но я же у тебя не прошу ничего, кроме как быть послушной девочкой.»

Однако я продолжала стоять на своем и умоляла маму мне купить Стича. Она была категорична. В итоге Кэрри не смогла закрыть глаза на мою мольбу и купила игрушку со словами: «У нее же завтра день рождения! Это подарок от меня.» Мама была недовольна и с трудом скрывала это: «Ну что ты, я сама могла бы ей купить, но она должна знать, что не все просто так достается.» Мама и раньше любила срывать на мне свою злость, но на этот раз она превзошла себя. Придя домой, она демонстративно выкинула игрушку. Это была

первая и единственная игрушка, которую я так хотела, а она выкинула ее, спокойно наблюдая за моей истерикой. Лишь добавила: «Желания делают нас уязвимыми. А из-за них ты меня сегодня опозорила, будто мы тебе игрушек не покупаем или денег у нас нет. Что Кэрри о нас подумает?» Сколько я проплакала не знаю, но мне казалось мои мучения вечны. Вот тебе и «Ohana» Стич.

Детский сад, 2014

Мама моей лучшей подруги Аманды, забирая ее из сада, посадила ее на коленки, крепко обняла и поцеловала. Я была поражена такой открытой демонстрацией чувств. Меня мама редко обнимала, целовала, а на людях – никогда, будто в этом было что-то постыдное. Она считала, что меня не стоит баловать, иначе стану неженкой, не умеющей за себя постоять. Правда к чему она меня готовила, я так и не поняла. Но в тот день я осознала, что моя мама отличается от других. е

Художественная школа, 2015 год
Мама мечтала сделать из меня художника, хотя признаться честно, рисовала я отвратительно, да и не любила это делать. Мистер Джафар, так я его про себя называла за его внешнее сходство с одноименным персонажем из мультфильма «Алладин», он был очень жестоким, за каждый неверный штрих, он бил по рукам обратной стороной кисти. Однажды он так напугал бедную девочку, сидевшую рядом со мной, что та описалась. В какой-то момент, мистер Джафар сказал маме, что я никогда не стану художницей. Маме слышалось, что я недостаточ-

но стараюсь. И каждый день она заставляла меня рисовать по несколько часов, запрещая вставать в туалет, есть или пить. Это продолжалось до тех пор, пока мистер Джафар не смиловался надо мной, заметив как мои рабочие пальцы поочередно покрываются пластырями, скрывая мозоли, и отказал маме в дальнейших занятиях со мной. Я была бесконечно рада, и за это она неделю меня наказывала своим молчанием и разочарованным взглядом.

Мама мечтала сделать из меня художника, хотя признаться честно, рисовала я отвратительно, да и не любила это делать. Мистер Джафар, так я его про себя называла за его внешнее сходство с одноименным персонажем из мультфильма «Алладин», он был очень жестоким, за каждый неверный штрих, он бил по рукам обратной стороной кисти. Однажды он так напугал бедную девочку, сидевшую рядом со мной, что та описалась. В какой-то момент, мистер Джафар сказал маме, что я никогда не стану художницей. Маме послышалось, что я недостаточно стараюсь. И каждый день она заставляла меня рисовать по несколько часов, запрещая вставать в туалет, есть или пить. Это продолжалось до тех пор, пока мистер Джафар не смиловался надо мной, заметив как мои рабочие пальцы поочередно покрываются пластырями, скрывая мозоли, и отказал маме в дальнейших занятиях со мной. Я была бесконечно рада, и за это она неделю меня наказывала своим молчанием и разочарованным взглядом.

Но все это было пустяками по сравнению с тем что про-

изошло последние годы в моей жизни.

Я пролистая до 2025 года и мурашки пошли по коже. С этого года мама пошла еще дальше и раскрыла новые грани своей властности в материнстве. Я бы предпочла уроки рисования с Джафаром, нежели все что произошло дальше

На самом деле, мама могла быть нежной. Вот что ломало сильнее всего. Она могла гладить по голове, называть «моей девочкой», покупать подарки. В такие дни я чувствовала эйфорию, будто выиграла главный приз — теплую маму.

И именно это держало меня рядом с ней. Надежда на то, что когда-нибудь она станет такой навсегда.

Если бы она была чудовищем всегда, было бы проще. Но она была чудовищем, которое иногда превращалось в обычного человека, умеющего любить. И эти перевоплощения были самыми волшебными моментами, которые я с нетерпением ждала.

Иногда я думаю: а вдруг я все придумала? Вдруг другие дети тоже так живут, просто не ноют? Вдруг это я слишком чувствительная ?

А потом вспоминаю, как научилась ходить по дому бесшумно в моменты ее обострения. Как умела по ее дыханию за дверью определить, можно ли входить. Как прятала свои промахи, чтобы не расстраивать. Как выжидала лучшего момента для разговора, чтобы на мне не срывались. Как по ее взгляду определяла помилуют меня на этот раз или казнят.

Но самое страшное — я вижу ее в себе. Это началось год

назад, когда наша жизнь навсегда изменилась. Когда Джон шумит слишком громко, во мне на секунду вспыхивает раздражение — такое же холодное, как у нее. И я пугаюсь себя. Я ухожу в ванную, включаю воду, чтобы он не слышал, как я дышу слишком часто. Я боюсь стать ею больше, чем боюсь ее.

Я вновь смотрю на эту злосчастную дату, после которой я перестала быть ребенком. Рука дрожит. Кожа покрывается мурашками. Желудок сводит. Дыхание становится поверхностным.

И в этот момент дверь открывается. Роза говорит, что новый психотерапевт готов меня принять. Я закрываю дневник.

Я встаю. Надеваю лицо «мне все безразлично». Стараюсь выглядеть так, чтобы не привлекать слишком много на себя внимания.

Это тоже навык.

Дети нарциссов вообще очень талантливы. Особенно в выборе масок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.